

— Дядюшка Чжао, взвесь мне одну старую курицу, — Чжун Цзыци, привстав на цыпочки во дворе семьи Чжао Нина, внимательно приглядывался, выбирая самую упитанную птицу.

— Хорошо, попрошу Шэна выбрать тебе самую жирную, — ответил дядюшка Чжао, стоя рядом.
— Цзыци-гэ, как там Чжэнъань?

— Уже гораздо лучше. Думаю, через пару дней снова откроюсь, — спокойно ответил Цзыци.

Дядюшка Чжао чуть нахмурился, понизив голос:

— Мы пока никому не говорили, что Чжэнъань идёт на поправку... но, боюсь, скоро всё равно кто-нибудь заметит. А уж семья Ван Цуйхуа — они так просто не отстанут. Обязательно снова начнут к вам лезть. Тебе стоит заранее всё продумать.

Он жил с ними в одной деревне и как никто знал характер той семьи — бесстыдства им было не занимать.

Цзыци кивнул:

— Я понимаю, дядюшка.

Вернувшись домой с купленной курицей, он тут же принялся за дело — ощипал, выпотрошил и поставил вариться ароматный куриный бульон.

Чжао Чжэнъань, глядя на суп, помрачнел. С самого дня, как он очнулся, его кормили одним и тем же — суп, суп и ещё раз суп. Три раза в день. Да, Цзыци готовил вкусно... но такая лёгкая пища уже начинала надоедать. К тому же от бесконечных бульонов ему приходилось слишком часто бегать в нужник — и это порядком изматывало.

Разве мог Цзыци не заметить его выражения лица? Он бросил на него косой взгляд:

— Доешь эту курицу — и больше я тебе варить не буду. Потом сам просить будешь — а я не приготовлю.

Чжао Чжэнъань тут же расплылся в заискивающей улыбке. Он прекрасно знал — язык у Цзыци острый, но сердце мягкое. Стоит лишь немного прикинуться жалким — и тот сразу сдастся.

— Я вот думаю... через пару дней снова начать торговать, — осторожно сказал Цзыци, словно советуясь.

Чжао Чжэнъань нахмурился:

— Я пойду с тобой.

— Тебе нельзя! Ты ещё не восстановился, — тут же возразил Цзыци.

— А если я буду за тебя переживать? — тихо ответил Чжао Чжэнъань.

В этих словах было что-то тёплое, почти невысказанное — и у Цзыци на мгновение сбилось дыхание.

— Со мной будут Чжао Нин и Чжао Шэн, всё будет в порядке, — поспешно отвёл взгляд Цзыци.
— К тому же я уже договорился с хозяином ресторана.

Вспомнив, что Чжао Чжэнъань об этом ещё не знает, он подробно пересказал всю ситуацию.

Чжао Чжэнъань кивнул:

— Ты всё продумал... молодец. Но всё равно нельзя расслабляться.

Он чуть помедлил, затем добавил, глядя на него внимательнее, чем прежде:

— Купи себе кинжал. На всякий случай. Чтобы было чем защититься.

— Не волнуйся, всё. Под контролем. Просто жди меня дома, я постараюсь вернуться пораньше.

Так всё и решилось — неожиданно легко и спокойно.

□□□

Цзяннань — край, где словно горами лежат золото и нефрит, земля мягкой роскоши и утончённого достатка — так отзывались о нём те, кто там побывал. Он разительно отличался от севера: люди жили в мире и достатке, на улицах почти не встретишь нищих, а на лицах прохожих неизменно играли улыбки. Недаром его называли краем рыбы и риса.

В этот день к пристани причалил большой корабль. Стоило ему остановиться, как вокруг тут же собралась толпа:

— Молодой господин, вы вернулись!

— Господин, вы, должно быть, устали! Госпожа с семьёй уже ждут вас!

Гао Ханьцзинь раздражённо махнул рукой, словно отгоняя назойливых мух — от шума у него начинала болеть голова:

— Понял, понял. Сейчас же пойду.

Он обернулся к высокому мужчине позади:

— Ачжо, займись остальными делами. Я сначала появлюсь дома.

Сейчас ему хотелось только одного — как следует вымыться в горячей воде. Больше десяти дней без купания... от него уже, казалось, исходил запах — совершенно недопустимо для его положения.

— Слушаюсь, господин.

Вернувшись в поместье семьи Гао, он первым делом столкнулся с младшим братом, выбежавшим ему навстречу.

— Брат, ты вернулся! — пухленький восьмилетний Гао Ханьбо с радостью бросился ему в объятия.

Лицо Ханьцзиня смягчилось. Он поднял мальчика на руки:

— Ханьбо, ты хорошо себя вёл? Скучал по старшему брату?

— Я был послушным! И каждый день думал о тебе! — мальчик обнял его за шею, надул щёки и

широко распахнул глаза, стараясь выглядеть как можно более серьёзным.

— Я тоже скучал, — мягко улыбнулся Ханьцзинь. — Иди в комнату, подожди меня. Я сначала приму ванну, хорошо?

Он легко поцеловал его в мягкую щёчку и опустил на землю.

— Хорошо! — послушно кивнул Ханьбо и побежал обратно.

Гао Ханьцзинь прошёл по крытой галерее в свои покои — горячая вода уже была приготовлена.

Он закрыл дверь, снял одежду и опустился в купель.

Тёплая вода окутала тело, постепенно смывая усталость. Он тщательно вымыл волосы, затем на мгновение замер, зачерпнул воду ладонью и провёл по лбу.

Раз за разом стирая невидимую преграду, он обнажил скрытое — на коже проступила яркая точка, словно капля киновари. Отличительный знак гера — тот, что нельзя было показывать посторонним.

Тщательно умыв лицо, он вытерся, оделся и сел перед зеркалом. Взяв густую, вязкую мазь, он аккуратно нанёс её на метку. Совсем скоро от неё не осталось и следа — перед зеркалом вновь сидел обычный мужчина, без единого намёка на скрытую тайну.

Приведя себя в порядок, Гао Ханьцзинь отправился в комнату отца. Как раз там находился и его амо.

— Отец, амо, я вернулся.

— Вернулся — и слава Богу. Наверное, немало натерпелся в дороге? — в глазах амо читалась явная тревога. Он потянул сына к себе, усадил на край кровати и внимательно оглядел. — Совсем исхудал...

Своего ребёнка он знал слишком хорошо — с детства тот рос в заботе и достатке, да и это было его первое дальнее путешествие.

Гао Ханьцзинь улыбнулся:

— Ну что вы, не так уж всё плохо. Амо... как отец? Ему лучше?

Его взгляд скользнул к лежащему на постели мужчине. Тот спал, лицо всё ещё оставалось бледным, но уже не таким, как прежде.

Амо мягко сжал его руку:

— Уже гораздо лучше. Лекарь сказал, если ещё немного отдохнёт — почти полностью оправится.

— Это хорошо... — Ханьцзинь облегчённо выдохнул.

Болезнь отца настигла внезапно. Врач говорил — переутомление, ослабленное тело, проникшая хворь... требовался покой. Но такое огромное хозяйство не могло просто остановиться. Нужен был тот, кто удержит всё на плаву.

В семье Гао было всего два наследника — он сам и восьмилетний Гао Ханьбо. И выбор оказался очевиден.

Ханьцинью не спорил.

В конце концов... он и так был предназначен для этого.

Побеседовав ещё немного с ама, он вышел. Отпустив слугу, он сам направился прочь из дома.

Всего в двух улицах от поместья Гао возвышалась ещё одна усадьба — дом семьи Шэнь, их давних друзей.

Ханьцинью бывал здесь так часто, что стража даже не стала докладывать — его просто впустили.

Он уверенно прошёл внутрь и направился прямо к знакомой двери кабинета. Постучал.

— Войдите, — раздался низкий, глубокий голос.

На губах Ханьциня мелькнула довольная улыбка — он и не сомневался, что найдёт его здесь.

Распахнув дверь, он с улыбкой произнёс:

— Юйбэй, я вернулся.

Сидящий за столом мужчина, красивый и сдержанный, лишь мельком поднял на него взгляд:

— Закрой дверь.

Лицо Ханьциня сразу потускнело:

— Ох... — он послушно закрыл дверь, а затем приблизился, наклоняясь к нему. — Ты такой холодный. Я только вернулся — и первым делом пришёл к тебе, а ты...

Шэнь Юйбэй даже не оторвался от счётной книги.

Ханьцинью уже привык к его холоду.

Он любил его.

Любил с самого детства.

Шэнь Юйбэй был единственным из посторонних, кто знал его тайну — что он гер. Он тянулся к нему, цеплялся, не отпускал... и хотя Юйбэй оставался холоден, он ни разу не отверг его.

Иногда Ханьциню казалось — может быть, где-то глубоко в сердце тот всё же испытывает к нему хоть каплю чувства?..

Но ему уже девятнадцать.

А Шэнь Юйбэйю — двадцать четыре.

Семья Шэнь торопит его: в таком возрасте мужчина без жены и даже без наложников — повод для тревоги.

Ханьцинъ радовался — ведь это означало, что у него всё ещё есть шанс.

Но вместе с тем его не покидала тревога.

Он не понимал, что у Юйбэя на сердце.

Не чувствовал от него ни обещаний, ни уверенности — тот относился к нему почти так же, как и ко всем остальным.

А для гера девятнадцать лет — уже почти предел. Ещё год — и станет только сложнее.

К тому же... с его особенностями, казалось, во всём окружении лишь один человек подходил ему по-настоящему.

Но что думает сам Шэнь Юйбэй?..

Этого он не мог понять.

И как ни старался — так и не мог удержать его сердце.

Вздохнув, Гао Ханьцинъ бессильно уткнулся лбом в стол.

Шэнь Юйбэй бросил на него короткий взгляд и равнодушно спросил:

— Чего вздыхаешь? Поездка была не в радость?

Ханьцинъ недовольно надул губы. Прекрасно ведь понимал, из-за чего он вздыхает — и всё равно делает вид, будто не замечает.

— Да что там радостного... — пробурчал он. — По дороге даже нормально помыться нельзя было. Ужасно.

Шэнь Юйбэй это понимал. Для гера подобная неопрятность была почти невыносимой.

Ханьцинъ продолжал бормотать, постепенно увлекаясь, и начал рассказывать о своём путешествии на север — обо всём, что видел и пережил. Юйбэй не перебивал, позволяя ему говорить сколько угодно, лишь изредка отвечая короткими репликами.

— Кстати! — вдруг оживился Ханьцинъ. — В одном городке я попробовал лапшу... кажется, она называлась «холодная». Не сказать, что это что-то невероятное, но вкус очень необычный...

Он подробно описал блюдо — это было, пожалуй, единственное, что действительно оставило у него приятное послевкусие за всё путешествие. На обратном пути он уже не нашёл ту уличную лавку, зато встретил это блюдо в одном ресторане — видно, хозяин продал рецепт.

— Тот, кто готовил, был гер, — продолжил он, чуть задумчиво. — Лет пятнадцати-шестнадцати на вид. Образованный, смыслённый... только вот муж у него, кажется, дурачок.

Он покачал головой с лёгкой досадой.

— Мм, — лишь отозвался Шэнь Юйбэй, не отрываясь от книги.

Ханьцзинь недовольно покосился на него... и вдруг, словно что-то вспомнив, хлопнул себя по колену:

— Точно! Вот почему он показался мне таким знакомым!

Он резко подался вперёд, почти нависая над Юйбэем:

— Он ведь на тебя похож! Брови, губы, уши — всё почти такое же!

Шэнь Юйбэй чуть откинулся назад, нахмурившись:

— О ком ты говоришь?

— Да о том гере, о котором я только что рассказывал! Очень на тебя похож. Только он мягче... нежнее. Я сразу и не понял.

— Вот как... — тихо сказал Юйбэй. — Возможно, совпадение. Как его зовут?

— Откуда мне знать? — удивился Ханьцзинь. — Я всего лишь съел у него пару мисок лапши. Зачем тебе такие подробности?

Он задумчиво погладил подбородок. Обычно Шэнь Юйбэй не проявлял интереса к посторонним.

— Так просто, — спокойно ответил тот. — Ладно, мне нужно идти. Ты остаёшься?

Ханьцзинь махнул рукой:

— Пойду. Завтра снова загляну к тебе.

Когда он ушёл, в кабинете воцарилась тишина.

Шэнь Юйбэй стоял неподвижно, нахмурившись, погружённый в мысли. Спустя некоторое время он подошёл к одному из ящиков, достал свёрнутый свиток и развернул его.

На бумаге был изображён гер — поразительно похожий на него самого. Но в чертах того лица было меньше жёсткости, больше мягкости и тихой, тёплой нежности.

Шэнь Юйбэй едва слышно прошептал:

— Старший брат...

Долгое время он просто смотрел на портрет.

Затем аккуратно свернул свиток и убрал его на место.

В тот же миг в комнате появился мужчина в облегающей одежде, словно тень.

Шэнь Юйбэй немного помолчал, обдумывая, затем негромко отдал несколько распоряжений.

Тот сложил руки в почтительном поклоне и бесшумно исчез.